

Юлия Нифонтова

БЯМОШКА ДОБРОДЕШ
и заколдованная кукла

Юлия Нифонтова

**Ермошка Добродей
и заколдованная кукла**

«Издательские решения»

Нифонтова Ю.

Ермошка Добродей и заколдованная кукла / Ю. Нифонтова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981457-9

Сама по себе кукла, даже если у неё огромный нос — не представляет опасности. Другое дело, когда она попадает в руки злых колдунов, живущих в старом сарае. Тогда игрушка может превратиться в страшное оружие. Но на страже покоя дома стоят отважный домовёнок Ермошка и его подруга — девочка Оля. Во второй книге из серии «Ермошка Добродей» читатели продолжают знакомиться с духами подворья, становятся очевидцами необыкновенных приключений героев. Сказка адресована детям младшего школьного возраста.

ISBN 978-5-44-981457-9

© Нифонтова Ю.
© Издательские решения

Содержание

1. Привидение с длинным носом	6
2. Подозрительный гость	10
3. Заговор	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ермошка Добродей и заколдованная кукла

Юлия Нифонтова

Иллюстратор Александр Иванович Ермолович

© Юлия Нифонтова, 2020

© Александр Иванович Ермолович, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-1457-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Привидение с длинным носом

Глава первая, в которой игрушки заняты обсуждением важных новостей, однако совершенно неожиданно их беседу прерывает необъяснимое явление...

Сова Серафима неожиданно ухнула во сне, заставив встрепетаться пугливого негрятёнка Сэмми, и тот поспешно скрылся под кроватью. Там, в своём излюбленном месте – под уютным навесом – игрушки собирались, чтобы обсудить дневные новости. Так случилось частенько, как только их хозяйка – девочка Оля – засыпала. Домовёнок Ермошка почему-то называл эти полуночные встречи загадочным словом «тырло»¹. В тесном дружеском кружке уже вовсю перешёптывались и дурачились: вязаная кукла Варюшка, Зая с балалайкой, бархатная обезьянка Джоконя, братья-близнецы Топа и Потап, которые на самом деле были тапочками с мордашками белых медвежат, хоть и мнили себя полноценными игрушками.

Только вредный Крокодилыч, что жил в серванте среди чайных чашек, не принимал участия в товарищеском междусобойчике, а лишь изредка кого-нибудь перебивал, кидая язвительные замечания. При этом маленький глиняный ворчун всем своим видом показывал, что он вовсе не участник их компании, а сам по себе. Глядел в сторону и бурчал под нос, однако не настолько тихо, а именно с той необходимой громкостью в скрипучем голосе, чтобы быть услышанным.

– Вот хорошо почти живой сове, она спит и спит на шкафу. И днём спит и ночью спит, а нам игрушкам ночью совсем туго приходится. Скучно-о-о... – тоскливо протянул Сэмми и обречённо опустил курчавую голову.

На секунду игрушки поддались подавленному настроению пупсёнка и, завздохав вслед за ним, потупили взгляды. Но в тот же момент Варюшка огорошила неожиданным наблюдением:

– А куда это, интересно, наш Варерра запропастился? А?! То, видишь ли, каждый день прилетает, стрекочет как оглашенный. Покою от него никакого нету. А тут, глянь-ка, уж, наверное, неделю как нос не кажет, если не больше!

За воронёнком Валерой прочно укрепилось прозвище – «Варерра», потому что из-за особого вороньего дефекта речи именно так он себя и называл. Новое прозвище его несколько не обижало, а наоборот веселило. Действительно, друзья успели соскучиться по неугомонному воронёнку, а он что-то не спешил к ним в гости. Даже его любимая подруга – почти живая сова Серафима стала частенько с тревогой вглядываться подслеповатыми глазами в окно в ожидании приятеля. И хоть её иногда раздражал назойливый птенец, но всё же старушка всей душой привязалась к нему, ведь больше никто не посещал совиное чучело на высоченном шкафу среди чемоданов.

– Ой, смо-отрите-ка, как все всполошились вокруг этого горластого цуцика. Да ваш картавый Варерра улетел на слёт юных воронят (таких же картавых, наверное) в парк Железнодорожного района, об этом ещё неделю назад все пичуги трещали – ревниво заворчал скрипучим прокуренным голосом Крокодилыч и, чуть помолчав, весомо добавил, – подумашь достижение! А я вот, например, курить бросил. Уже три года не курю, не имею этой пагубной для здоровья привычки! И хоть бы кто-нибудь заметил! Не то чтобы похвалить, а слова доброго ни от кого не дождёшься. Всё только Варерра, да Варерра...

На что бархатная обезьянка Джоконя ехидно возразила:

---

¹ *Тырло (устар.) – стойбище, место на пастбище для стоянки в жару и ночью овец, крупного рогатого скота, лошадей либо огороженное пастбище для молодняка. Раньше в сёлах Алтайского края, так в шутку называли место сборищ молодых людей и девчушек, где пели частушки, плясали, обсуждали новости

– Ага! Не куришь ты три года, эт верно! Но только не потому, что о здоровье печёшься, а потому что твои курительные палочки как раз ровно три года назад и закончились!

Игрушки разом прыснули, чем окончательно вывели Крокодилыча из себя. Он ещё долго что-то обиженно ворчал про избалованную и неблагодарную молодёжь, отвернувшись носом к чайному сервизу. Со стороны казалось, что маленький сердитый крокодил отчитывает провинившиеся в чём-то фарфоровые чашки, что даже густо покраснели от стыда за своё неподобающее поведение.

Дабы прервать глумливое хихиканье над расстроенным стариком, сообразительный Топа вспомнил, как они с братом, случайно выбежав на крылечко, видели во дворе много чужих людей, которые были заняты постройкой новой бани. Игрушки удивлённо заохали. Общее оживление осадил унылым предположением пессимистично настроенный Сэмми:

– Баня это значит, ещё один домишко, но не настоящий дом, почти сарай. А если у нас в старых сараюшках живут такие злыдни, как Кочебор и Свирка, то представьте себе, какие тогда ужасные гады заведутся в этой бане!

Игрушки застыли в изумлении и растерянности. Никто из них не мог предположить, что появление во дворе новой постройки может нести какую-то опасность. Но действительно, одно лишь воспоминание о коварных и злобных сараешниках заставило всех опечалиться и затрепетать в тревожных предчувствиях. Все задумались и приуныли.

Вдруг в наступившей оглушительной тишине из кухни раздался подозрительный шорох и поскрипывание половиц. Взоры метнулись на дверь, та медленно с натужным скрежетом отворилась. Игрушки замерли. словно под гипнозом они не могли оторвать взгляды от дверного проёма в сумрачную кухню, в которой наверняка притаился кто-то очень страшный.

В ту же минуту по буфету, по кухонной стене поползла гигантская чёрная тень. Это был профиль жуткого существа с необыкновенно длинным загнутым носом и огромными ручищами. Ног у тени не имелось вовсе, и длинное платье колыхалось, не касаясь пола. Тень не спеша плыла по воздуху, словно настоящее привидение.

Не сговариваясь, игрушки истошно завопили, сбиваясь тесной кучкой в самом дальнем углу. Кто-то в отчаянии звал на помощь домовёнка. Они так громко верещали, что наверху на кровати заворочалась Оля. Игрушки всегда боялись разбудить хозяйку, но при возникшей панике это обстоятельство подействовало на трусишек успокаивающе. Однако девочка не проснулась, а леденящая душу тень метнулась и исчезла из виду.

Но страх не отпускал. Ведь если чудовище спряталось, это ещё не значит, что оно вовсе оставило мысль о нападении на несчастных куклят. Бедолаги в испуге жались друг к другу. Напряжённую ситуацию неожиданно взорвал знакомый задорный голосок, напоминающий звон серебряного колокольчика:

– Тише, дети, не блажите. Тятя вас не бросит, щас я вас быстро защитю! ...или защищу! Короче, всем без разбору по попе ата-та сделаю, да и всё! Чего тут у вас приключилося?

Всеобщий вздох облегчения вырвался из тёмного подкроватного угла, куда спрятались игрушки. Натерпевшись страха, горемыки были совершенно уверены, что рядом с домовёнком им более ничего не грозит и стали наперебой рассказывать о посетившем призраке:

– Нос-то у него во-от такенный! И загнулся как у Бабы Яги.

– И ручищи, ручищи-то! Здоровенные, как лопаты.

– А ног вовсе нету!

– Это, наверное, злыдни сараешные напустили на нас страшнющее привидение, чтобы нас до смерти напугать!

Ермошка слушал жалобы с интересом и даже с каким-то жадным азартом, как будто был рад необъяснимому явлению, которое так всех перепугало. В его глазах вспыхнули столь яркие беспокойные искорки, что сразу стало понятно, он готов бесстрашно идти навстречу приключениям, какими бы опасными они ни казались кукольной малышне.

– Ладно, друже, кончай толковище! Сейчас ваш тятя пойдёт аспида треклятого наказывать, чтоб не пужал более моих малых детушек-ненаглядушек.

«Тятей» или «папой», Ермошка, конечно, величал свою персону, что позволяло ему ещё больше раздувать собственный, без того колоссальный авторитет у игрушечной паствы.

– Шпаги наголо! – сам себе браво скомандовал домовёнок и, вынув из-за пояса своё грозное оружие – старинную серебряную вилку, требовательно присвистнул, подзывая боевого коня.

Вскочив верхом на подбежавшего кота Марсика, пришпорил его голыми грязными пятками и смело отправился на невидимого врага – напрямик в кухню. Судя по тому, как ступали по полу кошачьи лапы, звякала посуда в буфете, скрипели табуреты, наездник объехал кухню несколько раз. Игрушки затаив дыхание ждали возвращения своего избавителя из ночного дозора.

Не обнаружив ничего подозрительного, Ермошка вернулся в детскую спальню и, спрыгнув с верного «коня» покровительственно сообщил:

– Зря дрожите, крохотульки мои, нетути супостата. Видать, убёг гад. Наверняка какой-то очумелый сараешный крыс решил над вами поизголяться. Зря всполошились. Ложитесь-ка быстро по кроваткам, а сараешников больше не бойтесь, они наказаны! Висят в старых часах в паутине, как сухие пауки.

– В паутине?

– Как сухие пауки? – загалдели до крайности удивлённые «крохотульки».

– Так, всё! Завтра-завтра. Некогда мне тут с вами. У меня делов – во, за три дня не перелопатить! – Ермошка резанул себя по шее ребром ладони, показывая, что он, вообще-то, весьма занятой господин и не намерен тратить драгоценное время, нянчась с глупой мелюзгой, которая боится обычной тени.

После чего Ермошка гордо задрал голову с вороньим пером в нечёсанных вихрах, всем своим видом показывая, что инцидент исчерпан, удалился без дальнейших объяснений «лопатить» неотложные дела, а точнее – резаться до утра в шашки с хозяином погребка Збигней. В ближайших планах у домовёнка было во что бы то ни стало выиграть у жадного Збигни банку вишнёвого компота.

Варюшка, Сэмми и Джоконя разбрелись по кроваткам. Зая с балалайкой привычно задремал стоя у кукольного рояля. Братья-потапочки по обыкновению засыпали там, где их настигал сон, то есть где придётся – в самых разных уголках дома и даже посреди комнаты. Сладко зевнув, полусонный Потап тихо спросил у более смышлёного Топы: «А как ты думаешь, например, могут ли сухие пауки выбраться из паутины? А?!» Но Топа уже спал и ничего не ответил глупенькому братишке.

2. Подозрительный гость

Глава вторая, в которой игрушки решают немного поиграть, но вдруг обнаруживают, что их дом посещает странный гость, а после этого визита кое-что случается...

После пережитого явления жуткой тени, игрушки со страхом ждали наступления следующей ночи. Предшествующий отбою день, надо сказать, выдался весьма суматошным. Дело в том, что Оля задумала сшить всем своим маленьким друзьям одинаковую школьную форму из большого старого бабушкиного платка в клеточку. Поэтому с утра до вечера девочка что-то кроила и строчила на детской швейной машинке.

Затем для игрушек настала ещё более изнурительная процедура бесконечных примерок, а так же подбора пуговиц, замочков и других швейных украшений. Даже когда портновская работа была окончена, все ещё долго были заняты уборкой комнаты, ведь катушки и пуговицы рассыпались по всей детской.

Утомлённая дневной суетой Оля быстро уснула, а игрушки маялись в необъяснимом тревожном ожидании, что усилилось с наступлением темноты. Чтобы спастись от волн накатывающей паники друзья занялись своей любимой игрой в жмурки, которая всегда безотказно спасала от хандры.

В уснувшем доме, где стал слышен даже тихий скрип половиц, сохранять тишину при столь подвижной игре удавалось с трудом. Игрокам приходилось двигаться весьма осторожно на цыпочках, но самым сложным было – сдерживать смех. Друзья изо всех сил старались сохранять тишину, чтобы не разбудить хозяйку. Поэтому из-под Олиной кровати, где происходило игрище, доносился лишь едва уловимый топоток маленьких мягких ног да учащённое дыхание.

С какой бы считалочки ни начиналась игра, а вадить всякий раз выпадало страдальцу Сэмми. Варюшка завязала негритёнку глаза своей косынкой и раскручивала его приговаривая:

– Раз-два, три-четыре,
Кто живёт в моей квартире?
Тапки, куклы и Ермошка.
Посчитай ещё немножко.
Ну, а кто, игрушек кроме,
Проживает в этом доме?
Оля, бабушка и кот.
Посчитай наоборот.
Три-четыре, два и раз,
Лови мышек, а не нас!

Как только прозвучали последние слова считалочки, игрушки бросились врассыпную. Сэмми покачиваясь на нетвёрдых ногах, растопырив в стороны пухлые ручонки, двинулся на поиски. Убегать от неповоротливого недотёпы, страдающего от сильного головокружения, было легко и весело.

Особым шиком для себя Джоконя считала подскокнуть к вадящему на опасно близкое расстояние, для начала покривляться на потеху публике, а затем, дёрнув растяпу за чёлку, ловко улизнуть из-под самого его носа.

Правда, к чести Сэмми, ему дважды почти удавалось настичь самоуверенного, но, увы, медлительного Потапа. Вместе с тем даже такому увальню, как правый из братьев-тапочек, удалось-таки избежать участи следующего вадящего.

Впоследствии никто так и не смог припомнить, когда среди игроков затесался кто-то посторонний. Но именно его совершенно неожиданно поймал негритёнок, сообщив об этом радостным шёпотом: «Поймал! Поймал!»

Однако по правилам игры, вадящему ещё предстояло вслепую опознать схваченного, не снимая с глаз повязки. Сэмми стал осторожно ощупывать лицо незнакомца. Маленькие пупсичьи ладошки несколько раз прошлись по огромному загнутому носу, по узкому вытянутому овалу лица, по высокой шапочке...

Сначала Сэмми никак не мог взять в толк, кто же перед ним. Затем медлил уже намеренно, словно боясь себе признаться, что поймал какого-то незнакомо-уродливого чужака. Вдруг негритёнка осенила счастливая догадка, ну кто же кроме извечной насмешницы мог так коварно и зло над ним подшутить:

– Джоконя, это ты! Я понял, ты надела маску Буратино из коробки с новогодними украшениями!

Но когда он, наконец, не выдержав, сдёрнул с глаз повязку, то увидел перед собой совершенно неизвестного субъекта с длинным лицом цвета скорлупы грецкого ореха, в широкой атласной рубахе в пол, и колпаке с кисточкой. Человечек обладал удивительно несообразно-широкими ладонями. Но самое впечатляющее во внешности незнакомца был его выдающийся орлиный нос. «Не нос, а целый парус, – подумал Сэмми, – если вот, например, сильный ветер дунет сбоку, то этого дядьку может унести далеко-далеко... Хорошо бы!..»

Сэмми, озадаченно озираясь, только теперь заметил, что, оказывается, все игроки окружили их и уже несколько минут с выпученными от удивления глазами созерцают сцену узнавания и в полном недоумении ожидают, что же произойдёт дальше. Невольное: «Ой!» – выскочило у изумлённого Сэмми.

– А вы, извините, кто? – осмелилась спросить отважная Варюшка, которая первой пришла в себя.

– Приветствую вас, почтенная публика! Что ж это вы, позвольте поинтересоваться, никогда штось настоящего Петрушки не видали?

– Ну, почему же не видали? Видали. У бабушки в огороде её полным-полно! И петрушка растёт, и салат, и редиска, и лучок.

– Сама ты – рредиска, глупая вязаная барышня! Петрушка – это я!

– Это что же прозвище такое? А почему именно петрушка, а не баклажан или укроп? – осторожно поинтересовался Сэмми, сам испугавшись своей смелости.

– Вот ещё! Петрушка – это от имени Пётр только ласково. Понял, чернявый?! А вообще-то, я по пачпорту – Пётр Балаганьч Уксусов.

– И откуда вы такой, простите, взялись? Да ещё с пачпортом? – поинтересовалась Варюшка, озвучив общий вопрос.

– На черрдаке жил, в большом кованом сундуке.

– А где у вас, извините, ноги? – С дрожью в голосе спросил Сэмми, увидев, что длинная рубаха странного дядьки колышется над полом, не обнаруживая нижних конечностей.

– Не боись, чернявый, я такая же кукла, как и ты, только перчаточная. Петрушка – великий артист и режиссёр! Работал и в верртепе, и на яррманке, и в настоящем кукольном театре!

– И как это перчаточная? Как тряпошная штоли? – прервала выступление великого артиста Варюшка.

– Перчаточная, то и значит, что как перчатка. Человек надевает меня на руку, и я начинаю управлять им! Таким образом большой взрослый детина только лишь подсаживает меня повыше, чтобы меня было видно со всех сторрон и делает только то, что ему веляю. Я – мировая знаменитость! Да меня и в Пррусии знают и во Хрранции. Повезло ж вам, прростакам, меня узреть-лицезреть!

Манера гостя говорить, кое-где удваивая букву «Р», напоминала речь воронёнка Варерры, только голос у Петрушки был уж очень резкий и неприятный. «Столь противную голову можно попытаться изобразить, если зажать себе обе ноздри и постараться взвизгнуть, да и то так гадко вряд ли получится...» – подумала про себя Варюшка, слушая самоуверенное бахвальство нового знакомого. Меж тем Петрушка продолжал:

– Эх, пропадай моя головушка с колпачком и кисточкой! Прриглашаю вас, доррогие друзья, к себе на новоселье! Попррошу аплодисменты!

Экспрессивно размахивая руками, Петрушка встал в горделивую позу, ожидая взрыва восторженных эмоций и рукоплесканий. Но вопреки его ожиданиям игрушки молчали, потупив глаза.

– Что такое? Отчего я до сих порр не вижу ррадости, оваций и поцелуев?!

Выкрикнул это гость так резко, что Зая с балалайкой от неожиданности даже тренькнул по струне.

– Куда вы хотите нас пригласить? – Осторожно поинтересовался Сэмми.

– Куда-куда! Конечно, в новую, ослепительно прркррасную, великолепно рроскошную свежеструганную баню!

– В ба-а-ню!!! – поражённо протянули игрушки дружным хором.

– А что у вас в вашем захолустье самое прркррасное? Конечно баня, да не просто баня, а пррактически самый настоящий театр! Где я ррешил побаловать зрителей прревосходной премьеррой!

Игрушкам не хотелось огорчать великого артиста, но и выходить из дома без спросу, оставив хозяйку, они не решались. Варюшка, пытаясь подобрать слова потактичнее, рискнула объяснить:

– Видите ли, уважаемый Пётр Балаганьч, мы весьма благодарны вам за приглашение, но без своей хозяйки мы никуда не ходим, вот если бы вы пригласили нас вместе с ней...

– Что?! – Вспылил Петрушка, – Человеческая девчонка в моём обворрожительном театре?! Это ж как слон в посудной лавке, она ж мне там и сцену прроломит! И что самое непрростительно омерзительное – наррушит великое таинство театра! Нечего ей там делать! Прриходите одни, только для вас, высокочтимая публика, будет разыгран мой комический суперсовременный спектакль!

Но как бы ни расхваливал Петрушка себя и свой банный театр, игрушки наотрез отказались идти на новоселье без Оли. Лишь когда он прошался, Джоконя решилась спросить:

– Скажите, а про что ваш космический спектакль?

– Комический, – поправил её Петрушка, – ну... это такая ироничная история в стиле современной сатирической драмы, – на этом запас непонятных слов у Петрушки, видимо, закончился и он, осекшись, загадочно примолк, оставив некую манящую недосказанность.

Приметив, каким азартом сверкнули глаза любопытной обезьянки, напустил на себя ещё более важный вид и продолжил:

– Там, видите ли, главная героиня – очень перрспективная и очаровательная макака, попадает в совершенно чуждое враждебное окружение, но, пройдя путь страданий и терзаний, побеждает всех подлых врагов. В финале, естественно, умопомрачительный триумф: перья, блёстки, иллюминация! Награда, как говорится, нашла своего героя, точнее героиню!

Джоконя просто остолбенела от услышанного. Видя, какой ошеломительный эффект произвела его речь, Петрушка не растерялся и решил «добить» глупышку:

– Вот сейчас занимаюсь подбором актрисы на главную роль... ищу... Чао!

Оставив Джоконю в полном ступоре, Петрушка откланялся. Махнув на прощание алой шёлковой кисточкой на колпачке, он поспешно скрылся в темноте, а поражённая обезьянка всё стояла и стояла, открыв рот, не смея сдвинуться с места.

На самом деле хитрый Петрушка вовсе не торопился покидать дом, он шмыгнул в сенцы и тихим свистом позвал крысёнка Куца.

– Так, слышь сюда, беги пулей на чердак и возобнови шуррум-бурум. Шуми и отвлекай домового, чтобы у меня ещё хоть минут пять было.

– Чё, куклы клюнули? Удалось их в баню выманить? – Поинтересовался Куц.

– Нет пока. Упёрлись и ни в какую, чёррт! Но, есть у меня одна зацепка! Так что дуй на чердак и что хочешь делай, обзывай Ермоху, хошь – драку затей, но чтоб ещё хоть три минуты домового в комнатах не было!

Умаявшись за день, игрушки крепко заснули. Лишь Джоконя страдая от упущенной возможности стать знаменитой актрисой банного театра, сдавленно рыдала, уткнувшись в подушку: «Почему, ну почему я не крикнула Петрушке, что главная героиня – это Я! Возьми в спектакль меня! Меня! От чего язык проглотила?!» Вдруг её терзания прервало тихое:

– Э-эй! Подь сюды, макака!

В дверном проёме маячил большеносый силуэт в колпачке. Обезьянка в два прыжка оказалась рядом со знаменитым артистом. Петрушка увлёк её в кухню и страстно зашептал в самое ухо:

– Я специально вернулся. Тайно, чтобы другим не завидно было. Я понял – моя главная актриса – это именно ТЫ! Нет, ну где я здесь ещё другую макаку возьму, да ещё такую красивую.

Джоконя, онемев от счастья, была готова на всё. Она смотрела на Петрушку во все глаза и понимала, что именно он отныне её кумир, прекрасный принц, а главное – продюсер.

– Так, времени в обрез, пошли быстрее. Нам нужно много поработать. Будем из тебя Примадонну делать.

Не давая жертве опомниться, коварный интриган схватил обезьянку и поволок вон из дома.

Игрушки, конечно, обнаружили пропажу Джокони раньше, чем проснулась девочка. Сначала они предположили, что легкомысленная обезьянка по своему обыкновению хочет над ними подшутить или просто гуляет где-то, забыв о времени, и не чает, что уже давно пора возвращаться домой.

Время шло, рассветало, а Джоконя не возвращалась. Такая вопиющая вольность для игрушек была совершенно недопустима. Собравшись кружком, друзья, пошептавшись, решили – когда проснётся Оля, не пугать её и ни о чём не рассказывать, ну а если обезьянка не вернётся к вечеру, то идти в розыск самостоятельно. Где нужно искать легкомысленную и тщеславную подружку теперь ни у кого сомнений не оставалось. Это было ясно без слов – разумеется, она сбежала в банный театр, чтобы непременно стать звездой шоу.

Перед тем как все разбрелись по кроваткам, Потапа вдруг осенила гениальная догадка:

– Я знаю, что за страшная тень приходила к нам тогда. Привидением был он – Петрушка!

– Ой, ну ты прям Америку открыл! Да об этом уже и так все давно догадались!

3. Заговор

Глава третья, где в кукольной школе пропала ученица, а мы узнаём о заговоре коварных сараешников, наказанных за свои прошлые злодеяния...

Утром после завтрака Оля усадила игрушки за «парты», вместо коих были приспособлены обувные коробки, и принялась играть в школу. С недавних пор это стало её любимой игрой. Девочка надела сломанные бабушкины очки без стёкол, изображая строгую учительницу, и принялась тщательно вырисовывать мелом буквы на деревянной разделочной доске, на которой обычно резали хлеб.

В отличие от девочки игрушки вовсе не стремились поскорее стать учениками, а тем более отличниками, но вынуждены были терпеливо дублировать буквы в маленьких тетрадках. Получалось это у них из рук вон плохо. Но если кривые буквы бесшабашную обезьянку всегда только смешили, то Варюшку и Сэмми их неловкость весьма расстраивала. Обычно Джоконя громко хохотала над чужими ошибками и отпускала в сторону одноклассников колкие замечания, типа:

– Оё-ёй не могу, у пупса буква «О» на сардельку похожа! А я-то лучше всех справилась, элички-качелички! – Или: – Наша Варюшка аж пытит от натуги, а ни одной букочки ровно не написала! – Посмеивалась задира над товарищами.

В такие моменты Топа и Потап вовсе смущённо жались друг к другу, ведь у розовых девчачьих тапочек вовсе не было рук, лишь белые мордашки и медвежата вынуждены были принимать участие только в устных упражнениях.

Оля сердилась на обезьянку, а однажды и вовсе поставила её в угол, как маленькую. Однако даже унижительное наказание не останавливало бархатную вредину от злых упрёков.

Но сегодня, неожиданно для Оли, возмутительницы спокойствия на месте не оказалось – её парта пустовала. Девочка обежала весь дом, даже в кладовку заглянула, Джокони нигде не было. «Куда же это запропастилась несносная обезьянка?!» – недоумевала она.

Дабы не уронить авторитет, девочка в роли учительницы говорила с игрушками строго, как в одном из фильмов про школу:

– Итак. Ребята, почему на уроке отсутствует ученица Джоконда?

В ответ ученики только опустили глаза и молчали. «Наверное, игрушки поссорились или Джоконя шибко разобиделась на меня из-за наказания и спряталась куда-то специально, чтобы всех нас напугать и проучить. Это как раз в её духе. Но где же она всё-таки? Эх, не нужно было её в угол ставить».

По Олиному мнению, уроки в школе должны были проходить очень весело с песнями, танцами, разыгрыванием сценок, а никак не со злобой, обидами и слезами. Поэтому она старалась увлечь всех общей познавательной игрой. Но урок завершился неожиданно быстро. Девочка объявила, что сегодня отправляется ночевать к маме, потому что утром они вместе должны идти в школу сдавать тесты, потом будут заняты покупкой школьной формы и другими важными делами из её новой почти взрослой жизни.

– А вам какое тесто надо сдавать: пирожковое илипельменное? – как всегда некстати спросил Потап.

Когда вокруг засмеялись, он, поняв, что снова сморозил какую-то глупость, смущённо сник.

– Не смейтесь над ним, Потапчик просто не знает слова тест. Это такая куча трудных вопросов, на которые непременно нужно ответить правильно. В общем, нелёгкая мне предстоит задача, но вы не скучайте и обязательно отыщите Джоконю!

«Это наверняка бабуля постирала шалунью и оставила для просушки в новой бане», – догадалась Оля. Она очень боялась заходить туда. Строили баню чужие небритые дядьки, с заносчивым видом ими самозабвенно командовал Колясик. Девочка сначала вообще хотела заявить бабушке и маме, что никогда не пойдёт туда мыться. Бабушка бы сразу всё поняла, а Мама наверняка бы поинтересовалась почему. Оля знала, что если скажет правду, то маму это весьма огорчит. Она грустит и будет долго молчать. А правда состояла в том, что Оля возненавидела эту баню только за то, что её строил противный новый мамин муж – Колясик.

«Так, но где же искать Джоконю? Ладно, никуда же она из дома не денется, вот вернусь от мамы и всё выясню», – пообещала сама себе девочка и побежала собираться, ведь ей предстояло провести целые сутки вместе с любимой ненаглядной мамочкой, по которой она всегда так сильно скучала.

Казалось, время в старинных часах остановилось навсегда. Словно заброшенная башня из страшной сказки, пылились напольные дедушкины часы в дальнем углу старого сарая. Некому было протирать их и подводить стрелки, дедушки давно не стало, и часы были убраны из дома – с глаз долой, будто в ссылку. Ну и, само собой разумеется, что в волшебных часах, так похожих на сказочную башню, завелись злые волшебники – сараешники (*духи сараев, курятников и углярок*).

Только жизнь нынче у них была невесёлая. За то, что желали зла людям, были они строго наказаны наиглавнейшим квартальным хранителем. Да-да, не удивляйтесь, мои дорогие, даже у злых волшебников наличествует вышестоящее начальство. Долговязый Кочебор Колядыч и толстый хитрец Свирка были в воспитательных целях уменьшены и напоминали теперь двух тараканов: один тощий с длинными усами, а второй пузатый и ярко-рыжий. Висели злодеи внутри волшебных часов, скованные прочной паутиной, а покачивание в пыльных *пугах* стало единственным их развлечением.

Три дня и три ночи назад состоялся у злых волшебников очень важный разговор. Ни Ермошка, ни кот Марсик, что мог свободно гулять, где ему вздумается, ни девочка Оля и тем более игрушки даже подозревать не могли, насколько коварные планы вынашивают озлобленные, лишённые сил и власти сараешники. Но, так или иначе, а Кочебора совершенно внезапно осенила чудовищная идея. Качаясь на паутине и с тоской глядя в тонкую щель в стене темницы, куда едва пробивался свет, он резко воскликнул:

– Слышь, Свирка, мухи донесли, что во дворе баню рубят, а как сладят, наш начальник-господарь туды нового банника назначит. Нам его надоть во что бы то ни стало опередить, пока тот в должность не заступил.

– Да как же опередишь-то? Мы ж тут, как сухие пауки, в тенёта впечатаны и не дёрнишьси! – заканючил Свирка.

– Замолчь, чего заблажил? Знамо дело – висим, и висеть нам тут с тобой по приговору ещё тридцать лет и три года. Личину надо менять! Вот в чём наше спасение.

– Как это? Личинку штоль достать?

– Да какую личинку, дундук ты бестолковый! Внешность надо поменять. Мне в мир соваться никак нельзя. За мной наш старейший господарь особо приглядывает, а за тобой, Свирка, он опасности не чувствует, – Кочебор насмешливо хмыкнул, – так что ты пойдёшь. У меня силёнки ещё осталось малёхо, если поднатужусь, то пересажу тебя внутрь бездушной куклы.

– И где ж нам достать такую, и почему она бездушная?

– А потому, что кукла, словно перчатка и оживает, токмо когда её на человеческую руку садят. Говорит голосом хозяина, двигается по чужой указке! Вот ты в неё, Свирка, и влезешь, а под этой личиной тебя никто не узнает. С помощью бездушной куклы мы не только от пут освободимся, а всю власть захватим и в доме, и во дворе. Превратим всё в один большой сарай!

– Ниччо не понимаю. Ну, влезу я в куклу, а дальше-то что? И при чём здесь вообще какая-то баня?

– Дубина ты стоеросовая! Кукла нужна, только чтоб тебе из паутины выбраться. Короля из тебя сделаем. Только вот в чём загвоздка – сараешников-то никто не коронует, судимых – тем паче, а вот любого другого – пожалста, хоть даже тупую тряпошну куклу! Короче, под видом игрушки идёшь в ту новую баню, и объявляешь себя новым банником – духом вредным и опасным.

– Что ж он этот банник опасней нас, што ли?

– Э-ээ, того не ведаешь, дурень пустоголовый, что за банником силы стоят великие, страшные. Банник – повелитель навьев – злых мёртвых духов, да орды банных анчуток – хлеще их вредителей не придумать.

– Что ещё за анчутки такие?

– Сами махоньки, с напёрсток росточком, мохнатенькие, ноги ежиные, а головёнки голые, что у татарчат, токмо с рожками. По одному не ходят всегда компаниями. Могут рост менять. Дерутся, верещат, кусаются, летают стаями, одёжу на людях рвут. В общем, на пакости шибко горазды, а главное – всегда и денно и ночью – вредить желают, ну, как медведь – бороться.

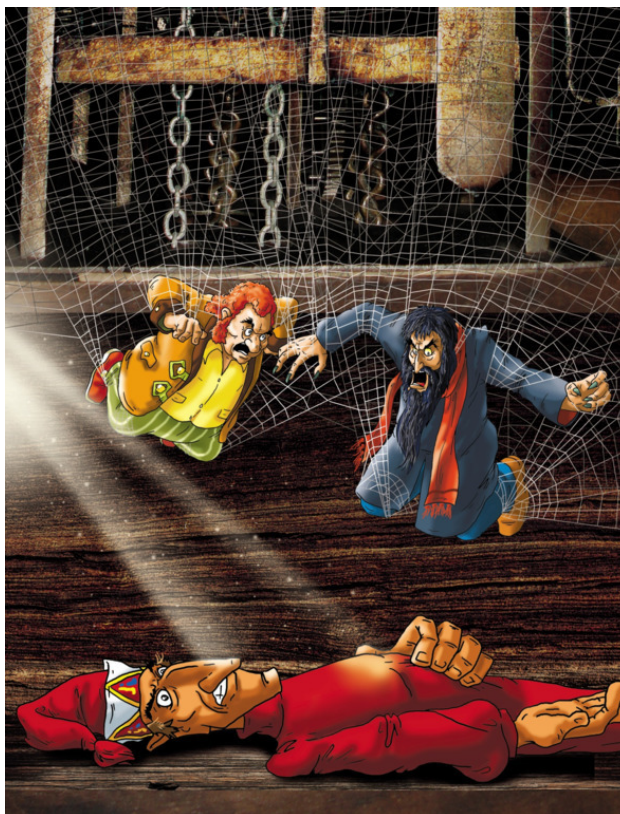
– Да ты, старшой, очумел или чё?! Ну, допустим, я бездушный кукл, пришёл в баню, заявил, что, мол, новый банник. И чё? А там настоящий банник по распределению пришёл на должность заступать. Увидит меня, осерчает, да и как начнёт мертвяками да энтими анчутками травить. Тут мне и конец!

– Вот я тебе и говорю, дурню полоротому, что спешить надоть! Баня ещё недосторена. Дверь не навешана, окошко не застеклено. Да ведь энто тьфу, пустяки. Настоящий то он, поди, будя окончания строительства ждать, чтоб вольным гоголем погулять. А ты его долж он опередить! Банником можно заделаться токма в первое полнолуние опосля постройки. Тогда в ночь на круглую луну тебе и навьи с анчутками поклонятся и коронуют как своего владыку. А когда уж тот разиня опосля тебя сунется, оне его не признают. Ежели первым успеешь – быть тебе настоящим банником, на повышение пойдёшь, хватит тебе ужо в сараешниках-то прозябать.

Свирка зарделся от близкой перспективы стать повелителем целой армии свирепой нежити и орды мелких разбойников, от нетерпения он задёргался в паутине, заёрзал, засучил ножками. Белая паутиная сеть заходила ходуном, но так и не выпустила пленника. Кочебор присвистнул, и в темницу заглянул услужливый крысёнок Куц.

– Так, Куц, проберись на чердак. Увидишь там большой кованый сундук. Найди в нём бездушную куклу – Петруху. Ты его без труда узнаешь, он весь в красном, как палач, нос у него, что у бабы Яги, крючком загнут. Хватай и неси его сюда, да гляди, чтоб Ермоха не засёк!

Как ни старались Куц и его сородичи выгрызть сараешников из зачарованных пут, ничего не вышло, только зря обломали несколько острых крысиных зубов. И хоть были Кочебор и Свирка крепко впечатаны в неодолимую паутину, однако же крохотная лазейка, чтобы творить злое колдовство всё-таки нашлась – большой и указательный палец на руке Кочебора могли слегка пошевелиться. По прошествии некоторого времени, чёрные, похожие на когти хищной птицы, ногти колдуна отросли и могли теперь снова, стукнувшись друг о друга, высечь магическую искру. Осознав, что вновь способен творить чёрное колдовство, Кочебор проделал свой любимый и уже подзабытый трюк – он так яростно сверкнул из-под косматых насупленных бровей злобными глазёнками-точками, что прожёл в затхлом спёртом воздухе две красные светящиеся дорожки.

Вскоре Куц притащил с чердака безжизненного тряпичного Петрушку и подобострастно положил трофей у висящих на паутине сараешников. Сама по себе кукла в красном колпачке не представляла никакой опасности даже для младенцев, разве что могла чуть-чуть напугать глупых малявок огромным горбатым носом. Но перед тем как начать колдовать, Кочебор предупредил Свирку:

– Смотри, брат, это кукла непростая. Может наградить тебя своим задиристым и несдержанным характером. Не поддавайся! Помни, наша задача – не балагурить, не скоморошьей придурью народ веселить, а власть над всем домом захватить да бабку с девчонкой и несносным Ермохой, как есть, известить! А тогда уж и двор, и дом с баней превратятся в один большой сарай, и всё будет только нам принадлежать. Без-раз-дель-но! Так, теперь приготовься, гляди прямо в мои очи без отрыву.

Кочебор вперился колючим взглядом в маленькие Свиркины глазёнки, которые сначала, как две испуганных букашки забегали, словно ища укрытия, но вскоре замерли, будто окоченев от сковавшего их ужаса. Не обращая внимания, на то, что брата колотит от страха, Кочебор принялся со зловещими завываниями читать чёрно-магическую тарабарщину:

– Соулярус – ампутэрос!
Имплантэрус – реанимус!
Реанимус – соулярус!..

В момент произнесения колдуном запретного заклинания его глаза остановились и как-то совсем по-змеиному застыли, затем налились красным, освещая пыльный сумрак и перекошенное ужасом лицо брата недобрый тревожным светом. Свирка не мог оторваться от леденящего душу взора. Он непроизвольно подёргивался в паутине и от того казался беспомощной мошкой, пойманной безжалостным пауком.

Единственное, о чём теперь мечтал несчастный Свирка, это чтобы всё поскорее закончилось. Но Кочебор не унимался, а продолжал повторять непонятную, пугающую тарабарщину. Голос колдуна приобрёл металлические нотки, а слова жуткого заклинания свистели в Свиркиных ушах, словно выпущенные пули. Наконец, Кочебор щёлкнул чёрными загнутыми ногтями. Вверх со стеклянным звоном вылетела самая настоящая магическая искра и, осветив тесное пространство часового чрева, тихо угасла.

В ту же секунду из середины Свиркиной груди выплыло серое облако, повторяющее очертания младшего сараешника. Полупрозрачный фантом был вылитый Свирка, с таким же хитрым лицом и кудрявой шевелюрой.

Оставив хозяина, туманный силуэт опустился на распластанного внизу Петрушку и растворился внутри его потрёпанного платья. Меж тем настоящая Свиркина голова безвольно повисла, лицо, омертвев, утратило осмысленное выражение, тело обмякло и застыло в паутине, став её неотъемлемой частью.

Кукла же, в свою очередь, напротив стала подавать признаки жизни. Из тряпичных одёжек высунулась несуразно длинная голова в высоком колпачке, озираясь вокруг с величайшим любопытством и даже восторгом. Маленькая подлая Свиркина душонка переселилась в Петрушку и никак не могла теперь опомниться от произошедшей метаморфозы.

– Ну, и как тебе, братишка, в новой личине? – величаво поинтересовался Кочебор Колядыч, гордясь хорошо проделанной магической работой. – Чисто дело сделано, не правда ли? Привыкай, привыкай к новому облику, а как одыбаешься, дуй поскорее в баню – место начальственное занимай! – наставлял брата колдун, однако же в каждом звуке его голоса слышался плохо скрываемый подтекст: «Помни! Помни, олух, кто тебя от плена освободил и вторую жизнь дал!»

– Да нормально вроде... только вот, почему-то страшно кривляться и хохотать хочется... а ещё убежать отсюда быстро-быстро... да вот незадача – несподручно как-то совсем без ног! Как же это я ходить-то буду?!

– А ты попробуй, привстань и полетишь. У меня магия сильная да злая. Ты главно помни, когда из себя будешь скомороха изображать, что ты вовсе никакой не уродец балаганный, а грозный дух, которому скоро не только навьи с анчутками поклонятся, а даже настоящие люди. Держись, не поддавайся, не дай Петрушке над тобой верх взять, а то дурью балаганной и себя, и весь наш грандиозный замысел погубишь! Помни, что тебе скоро с банником предстоит сражаться, а оне – народ суровый!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.